

10

XX $\frac{63}{11}$

Сбер.
Книж.
Ленин.
Ленинград

сентябрь

МУРЗИЛКА

ОГИЗ МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

мурзилка

ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ
МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

ОГИЗ—МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ. ГОД ИЗДАНИЯ ОДИННАДЦАТЫЙ
ОКТАБРЬ 1933 г.

СОДЕРЖАНИЕ

		стр.
В. Смирнова	— ЗАВТРА ПРАЗДНИК (Стихи Э. ЭМДЕН)	Худ. Г. Берендгоф . . . 1
Л. Кассиль	— АЛЕШКА-РЯЗАНЬ И ДЯДЬКА БЕЛОМОР	Худ. А. Свищов . . . 5
А. Барто	— МЫ С ТАМАРОЙ	Худ. А. Каневский . . 13
А. П. Чехов	— ВАНЬКА	Худ. Е. Афанасьева . 15
З. Александрова	— СТИХИ	Худ. А. Свищов . . . 19
А. Гринберг	— ПРО КОЛХОЗНЫЙ УРОЖАЙ	Худ. Л. Голованов . . 20
М. Ивенсен	— ЯГОДНАЯ ОСЕНЬ	Худ. В. Бордиченко . 25
В. Смирнова	— ВСТРЕЧА	Фото 26
Н. Плавильщиков	— ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ?	Худ. М. Генке 29
Юдифь Рожавская	МУЗЫКА К ПЕСНЕ „КРАСНЫЙ ФЛАЖОК“ 31
Л. Алпатов	— ЛЕСНЫЕ ИГРУШКИ	Фото Л. Алпатова 3—4 стр. обложки

Обложка В. ВАСИЛЬЕВА

Рукописи и детские рисунки не возвращаются.

Редакция

ЗАВТРА ПРАЗДНИК

Ты думаешь, что это просто красный лоскут на палочке? Нет. Это красный флажок. Он такой же праздничный, как большой красный флаг. Он такой же боевой, как боевое знамя, с которым шестнадцать лет назад Ленин, Сталин и все большевики вели рабочих и крестьян в бой за советскую власть. Он такой же прекрасный, как наше славное советское знамя, хотя его сделала совсем маленькая советская девочка. И такой же флажок есть и у тебя. Если ты все время будешь помнить о флажке, он вырастет вместе с тобой и поможет тебе победить всех врагов. И он

никогда не наскучит тебе, потому что о нем можно рассказывать тысячи сказок — смелых, веселых, военных, О нем можно петь тысячи прекрасных песен. И самое замечательное в этих сказках и песнях то, что все в них — самая настоящая правда.

Маленькая девочка дала мне этот флажок в руки и научила меня маршировать с ним и петь ее песенку об этом флажке:

Я свой флажок до неба,
нет, выше, подыму.
С таким флажком победа
в бою, в огне, в дыму.

Я свой флажок до моря —
нет, дальше протяну.
Я буду с ними в дозоре
стеречь свою страну.

Я свой флажок закину
за горы и моря,
и там его поднимет
такой, как наш, отряд.

Я свой флажок на плечи
надену, как ружье.
Нам улицы навстречу,
нас целый город ждет.

И флагами нам машет
навстречу каждый дом.
Давай веселым маршем
по городу пройдем.

Потом она сказала: держи его крепко, не урони и отдай тому, у кого нет флажка выйти на праздник. Ведь завтра октябрьский праздник, а как же он будет на празднике без флажка?

Сегодня вечером, когда она уснет, как засыпают в этот час все дети Советской страны, я возьму красный флажок и пойду посмотреть, правда ли, что завтра праздник.

Выйду из дому, оглянусь: три красных флага шелестят над моей дверью.

Пойду по улицам: стучат веселые молотки, по лесенкам лазают проворные монтеры, зажигаются красные транспаранты на самых высоких домах, в небе рассыпаются красные ракеты.

Стану на мосту через Москва-реку: пароходы в красных электрических бусах, и красные звезды качаются на воде и не гаснут.

И тысячи флагов хлопают красными крыльями на домах, на столбах, на башнях, потому что завтра октябрьский праздник.

До поздней ночи я буду ходить по Москве и на самой окраине, на самой последней улице, за которой начинаются поле и широкая дорога, услышу веселые песни, увижу, как прилаживают на самом высоком месте праздничный красный флаг.

— А ну-ка, дальше — по всей моей Советской стране! — скажу я себе. А ноги ни с места: устали. Я рассержусь — и отправлюсь путешествовать в мыслях.

— На север! — командую я. — До самого Белого моря по новому каналу. На восток — к Магнитной горе, где строится первый в мире социалистический город. На юг — по Днепру, до самой плотины, где работает новая гидростанция. Вперед, мои веселые мысли!

Я побываю везде, везде, по всему Союзу. И везде увижу: все радостно готовятся к празднику, потому что они все хозяева своей страны, и у каждого из них есть красный флаг.

— Но постой, — вдруг я скажу себе и посмотрю на темный запад, где верные часовые сторожат границы моей страны.

— Эй, эй, мои быстрые мысли! — закричу я снова и высоко подниму свой красный флажок. Только это будет уже далеко от Москвы, в иностранном городе, в другой, несоветской, стране.

Ты знаешь, если идти на запад, время немного отходит назад, потому что у нас солнце взошло раньше и уже мы прожили час, который там еще не настал.

Я вижу там еще сумерки. Слышу шум и крики, топот лошадей и рев автомобилей. Я вижу солдат в коричневых куртках, полицейских в белых пелеринах. Я вижу пожарных в блестящих касках и пожарную лестницу у высокой заводской трубы. Я поймала за рукав мальчика, чуть постарше тебя, и спросила его:

— Может быть, это пожар? Может быть, это красный огонь вьется над высокой трубой? Оттого приехали пожарные и солдаты оцепили улицу?

— Ты ничего не понимаешь, — сказал мне мальчик тихо. — Это не красный огонь над трубой, это красный флаг. Пожарные снимают наш флаг, потому что хозяева этого завода и всех заводов на свете боятся красного цвета. Они знают, если на улице красный флаг, значит на улице праздник. Они больше всего на свете боятся праздника на нашей улице. Но ты не огорчайся, — мы наготовили много флагов. Они не смогут снять всех.

И он убежал от меня, торопясь куда-то. А я смотрела вверх,

на трубу, и увидела чудесные вещи. Целый час снимали пожарные флаг с высокой трубы, но через минуту на том же месте загорелся новый, еще больше, еще краснее.

Полицейские разсвирепели. Пожарные потеряли терпение.

— Не летят ли они из трубы, эти проклятые красные искры?

И вдруг они нашли в трубе... кого вы думаете? Самого ловкого комсомольца: ведь это он вывешивал каждый раз новый красный флаг. Как пробрался он с ними в трубу? Может быть, он их засунул в карманы и за пазуху? Или кто-нибудь подавал их ему на веревочке? Может быть, пионер помогал ему? Я не успела спросить его об этом, потому что его схватили за обе руки и потащили в полицейский автомобиль. Он поднял гордо голову и закричал на всю улицу:

— Да здравствует Октябрьская революция!

И никто не смеялся, хоть все лицо у него было в саже, как у трубочиста.

Автомобиль загудел и умчался. И я мчалась за ним. Я немножко задержалась по дороге, потому что мне стало грустно и я вспомнила Москву. А когда пришла к тюрьме, я долго искала за оконными решетками гордое черное лицо.

Вдруг я услышала плач: прислонясь головой к железному переплету, плакал мальчик, с которым я говорила там, на улице.

— Что ты делаешь, малыш, за решеткой? Кто держит в тюрьме детей? Ты плачешь? Тебе больно? Или ты боишься?..

— Гром и молния! — рассердился мальчик. — Я не боюсь, а от боли пионеры не плачут. Я плачу оттого, что завтра праздник, а у меня нет красного флага. Они отобрали у меня красный платок, они сорвали с меня красную рубашку, они взяли у меня красное одеяло, чтобы я не мог сделать себе флаг. Посмотри: я разрезал стеклом себе руку и в крови намочил платок но и его они отняли у меня. Как же я буду в праздник без красного флага?..

Я подумала: „Правда, как же он будет в праздник без красного флага?“ Я отдала ему флажок маленькой советской девочки. Я постояла еще немного, чтоб только увидеть, как наверху, из окна тюремной камеры, загорится красный флажок.

А завтра утром, когда девочка проснется, веселая, как проснутся в этот день все дети Советской страны, мы посмотрим с ней из окна на далекий запад. И я ей расскажу эту сказку о красном флажке.

И самое замечательное в этой сказке — то, что все в ней самая настоящая правда.

*В. Смирнова
Стихи Э. Эмден*

АЛЕШКА- РЯЗАНЬ

И ДЯДЬКА
БЕЛОМОР

1 Алешка был беспризорником из Рязани. Отца с матерью у него убили белые в гражданскую войну. Алешка из детского дома убежал, потому что обиделся за клюквенный кисель. Он очень любил кисель с молоком. Он ел его медленно и баловался. Он выедал кисель с двух боков блюдечка и в ямки наливал молоко. А в середине оставалась кисельная перегородка. Алеша съедал ее на самый последок. Уже все дети давно поужинали, рот утерли и спать пошли, а он один все с киселем балуется. Заведующая торопила его, брала ложку, чтоб смешать кисель с молоком, но Алеша кричал: „Не пропружай, не пропружай! Это моя плотина!“ И дрался. Раз он так поздно засиделся с киселем и так громко кричал „не пропружай“, что разбудил всех ребят. Ребята напугались. Заведующая отняла у Алеши блюдечко. Тогда Алеша ей назло убежал из детдома. Он стал беспризорником. Его прозвали Алешка-Рязань.

Однажды в выходной день коммунист-чекист и художница гуляли по Москве. Они гуляли и спорили. Они спорили о погоде. Художница признавала только тихую погоду, а чекист любил ветер и не боялся простудиться. Вдруг они увидели чумазого беспризорника. Это был Алешка. Он сидел в грязи. Киселя у него теперь уже не было, и Алешка возился в грязной луже. Он прямо руками рыл землю и делал плотину—запруду.

— Ах, какой ужасный! — закричала художница. — Он совсем черный, грязный... Я не могу видеть...

— Надо отправить его в колонию, — сказал чекист. — Там его отмоют. Эй, приятель, как тебя звать, а? Алешка-Рязань? Ну, земляки, значит. Я тоже рязанский. Так вот, друг Алеша, идем-ка, брат, со мной...

— Пошел ты, — заворчал Алешка, — все равно убегу.

— Ах, он вас боится, как вы не понимаете? — воскликнула художница. — Вы строгий человек, а ему нужна добрая душа. Я не отдам его вам.

И художница хотела подойти к Алешке поближе. Она сделала один лишь шаг.

— Не пропружай! — закричал Алешка. — Не видишь, куда ногу ставишь. Тут плотина!

— Слушай, мальчик, — ласковым голоском сказала художница: — хочешь жить у меня? У меня хорошо. Я тебе картинки нарисую.

— Иди ты, знаешь, подальше от меня...

Вот какой грубиян был этот Алешка. Художница заплакала. Алешке стало жаль ее.

— Сразу уж и реветь, — сказал он. — Чего зря глаза пропружаешь?.. Ладно, пойду. Дашь киселью?

Вот тут и начался большой спор. Чекист говорил, что это дело государства, что Алешку надо обязательно отправить в колонию для беспризорных. Там его вымоют и выучат работать. Это будет по-ленински. Ленин именно так говорил:

„В республике не должно быть обездоленных и беспризорных детей, пусть будут юные, молодые и счастливые граждане“. А счастливым можно стать, только работая“.

Но художница ни за что не отдавала Алешку. Она говорила, что сама воспитает сироту.

И Алешка поселился у художницы. Он ел кисель, но умываться не желал. Воду из умывальника он разливал по полу. Он развозил пальцем лужи, а между лужами строил мосты.

Когда в одно прекрасное утро художница вернулась из кооператива, она не нашла дома ни Алешки, ни голубой, ни розовой, ни золотой краски. Алешка обокрал ее. Алешка убежал.

Художница тотчас бросилась звонить по телефону чекисту. — Ах, — плакала она, — поймайте его! Заберите его! Какой неблагодарный мальчишка! Я теперь не смогу рисовать. Он украл у меня голубую и розовую краски. Мне все теперь кажется черным...

И она так плакала в телефонную трубку, что сырость пошла по проводам, и вскоре у чекиста на столе, где стоял телефон, образовалась лужа.

2

Прошло восемь лет. И не было об Алешке ни слуху, ни духу. Однажды чекист поздно вечером ехал на автомобиле домой. На углу он увидел сердитую толпу. Поймали вора. Вора хотели

бить. Кто-то уж замахнулся. Чекист соскочил с машины и удержал поднятую руку.

— Не смей бить... — строго сказал чекист. — Идите, гражданин, со мной. — И он повел вора за собой. А толпа шумела, и вор дрожал.

Чекист взглянул на него: они узнали друг друга.

— Так, — сказал чекист, — вот и встретил земляка. Эх, друг Алексей, вот ты какой стал! Плохи твои дела.

— Ну и пусть, — сказал Алешка.

— Зачем ты убежал тогда? Я бы тебя послал учиться в колонию, и стал бы ты счастливый гражданин. Погляди, где твои товарищи. Был Серега вор, а сейчас инженер Сергей. Был Павлик жулик, а стал Павел летчик. Был Николка нищий, а теперь Николай артист. Был Васюк драчун, а стал доктор Василий Иванович. А ты, Алешка-Рязань, теперь вор Алексей.

Так сказал чекист. И Алешка ничего не ответил. А чекист привез его в дом ГПУ. Чекист привел его в свой кабинет. Большая карта висела в кабинете чекиста. На карте было два моря, и между морями была гора—полуостров.

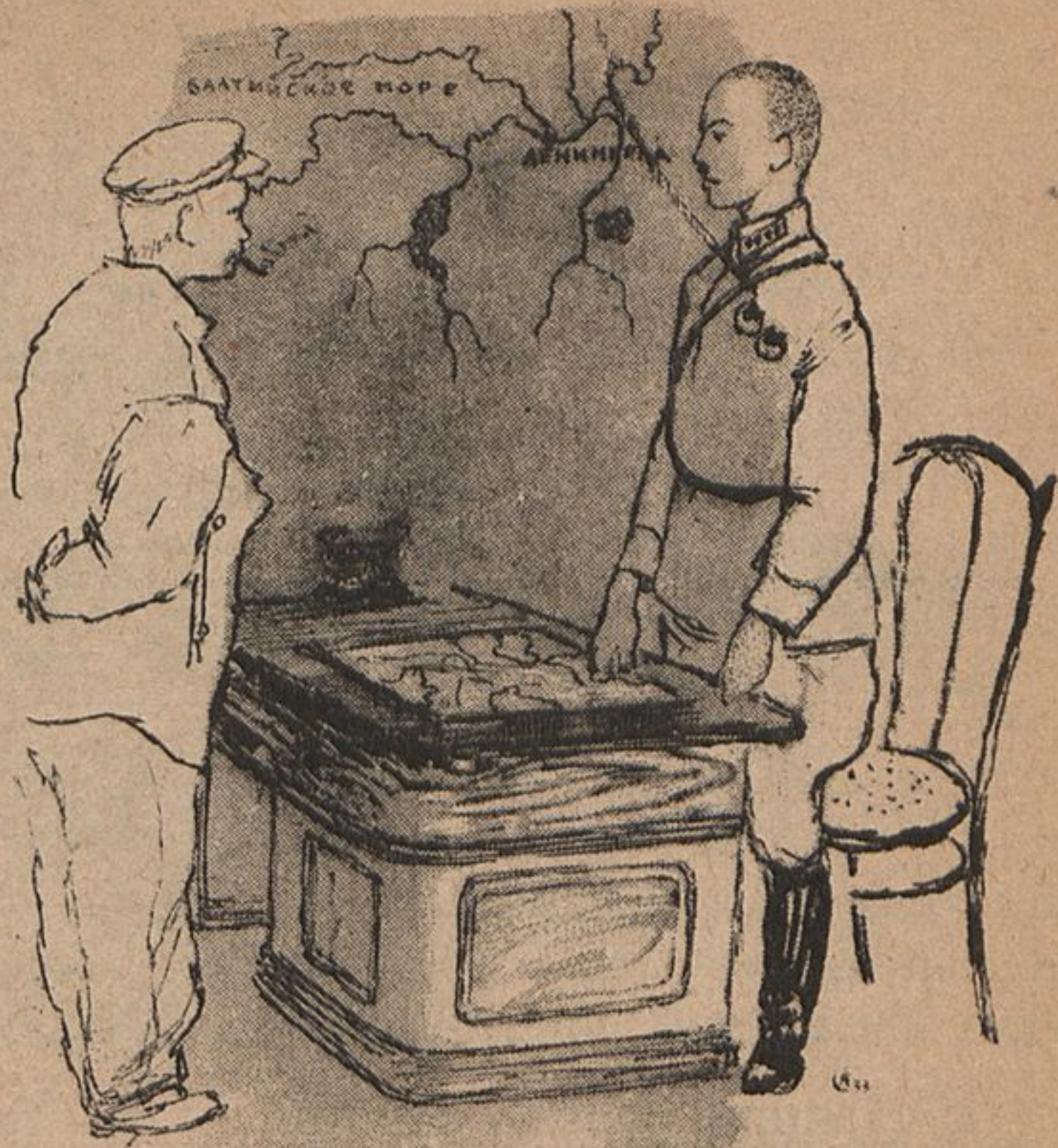
— Вот, — сказал чекист, — поедешь ты, Алексей, на Медвежью гору, моря пропружать. Это тебе не кисель. Это дело серьезное. Настоящие плотины будешь строить. Настоящий канал будешь рыть, чтоб наши пароходы прямой дорогой плыли из одного моря в другое. А то им сейчас далеко кругом ходить надо.

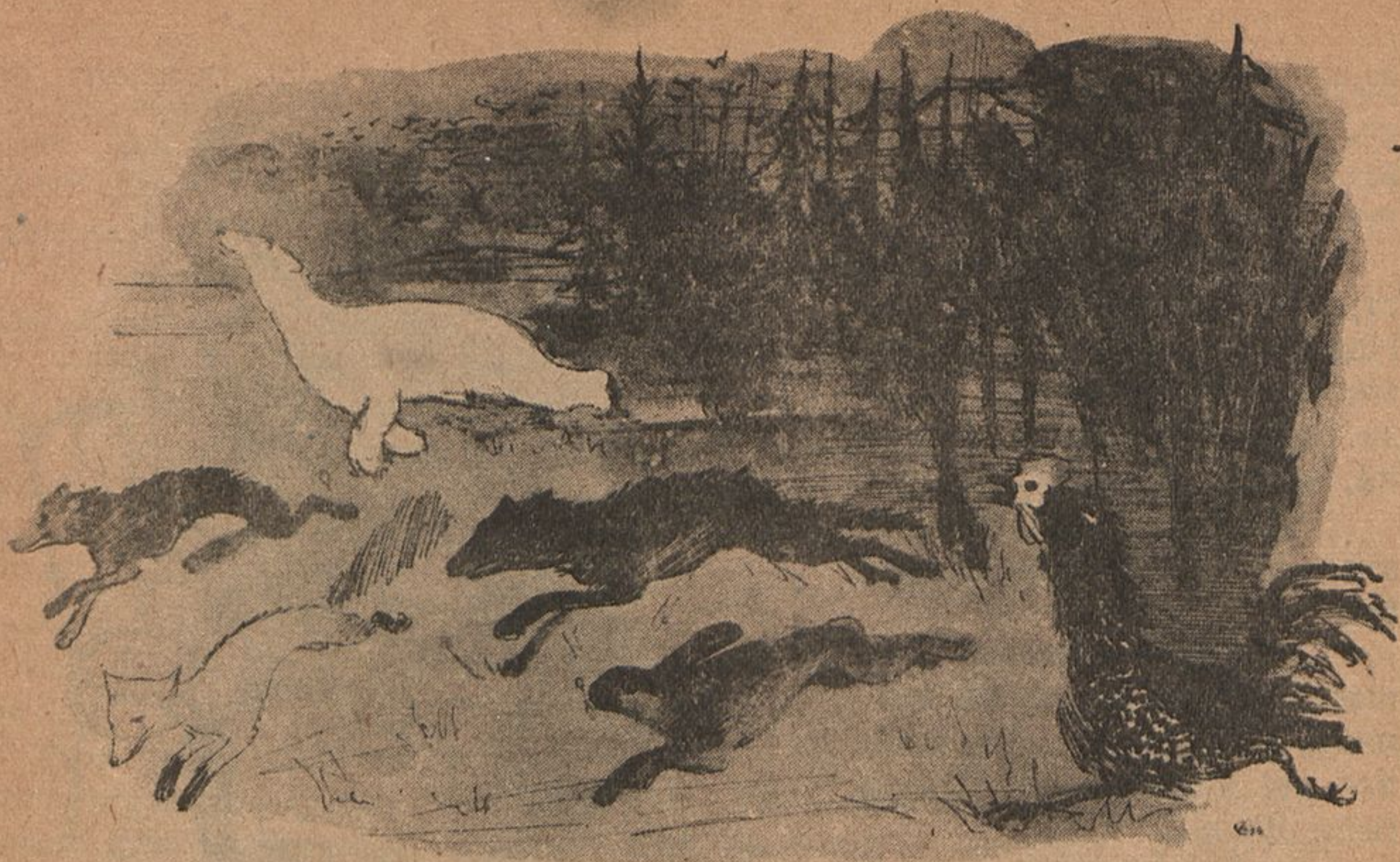
— Ну и пусть, — пробурчал Алешка. — Все равно убегу!

— Не убежишь. Я из тебя сделаю человека.

— А я сейчас разве не человек?

— Нет еще, — сказал чекист и подвел Алешку к карте. — Вот смотри: — Скандинавия. Это не остров, а полуостров. И ты пока не человек, а получеловек.

И Алешку-Рязань отправили на Медвежью гору. Алешку послали пропружать моря. Поезд повез Алешку на далекий север, к холодным озерам, твердым скалам и диким лесам. Ночью в вагоне Алешке приснился страшный сон. Ему снилось, что звери и птицы неслись навстречу, перепуганные птицы и звери. Трусили медведи, и мчались волки. Бежали лисы, и скакали зайцы. Летели совы и вороны. Ветер дул от их тяжелых крыльев. „Спасайся, кто может!“ кричали звери. „Спасайся, Алеша!“ пищали птицы. У Медвежьей горы гремит страшный гром. Реки встали дыбом. Скалы шатаются, как молочные зубы. Расступаются леса, земля взлетает до неба.

Алешка испугался и чуть было не проснулся. Но тут он услышал веселый голос:

— Не бойся, Алеша. Не слушай трусов. Смело поезжай вперед. Пропруди моря. Проложи себе честный путь. Открой нам дорогу!

Это заговорили рыбы, немые рыбы. Рыбы стучались в берега. Серебряные толпы рыб плыли навстречу зверям.

З

Алешку привезли на Медвежью гору. Здесь был лагерь. А в лагере жили бывшие воры и прежние разбойники, недавние вредители и старые буржуи, вчерашние хулиганы и другие враги Советской страны. Кругом стоял лес. Хмурилось небо. Громозди-

лись камни. Было холодно. И не было часовых. Но повсюду стучала работа. Работа шла от горизонта до горизонта, от моря до моря. Люди шли с топорами в лес, лес уступал им дорогу. Люди взрывали скалы; земля, ахнув, летела в небо. Люди рыли канал через каменную гору, чтоб соединить моря. Они строили плотины, чтоб вода не выливалась в сторону.

„Не хочу работать. Убегу, — подумал Алешка и посмотрел по сторонам. — Ишь, хитрые часовые, спрятались, и не видно их. А как побежишь, так, небось, сразу из кустов стрелять начнут...“

И, чтоб проверить это, Алешка побежал в лес. Он бежал и оглядывался. Но никто не бросился догонять его. На него и внимания никто не обратил. Все были заняты своим трудным делом. Все работали.

И Алешке стало даже обидно, что его никто не караулит что он никому не нужен.

Скучный он побрел в лагерь. Навстречу ему попалась бригада дядьки Беломора. Дядька прежде сам был знаменитым разбойником. Он грабил пароходы и останавливал поезда на ходу, а теперь он был ударником и воспитателем.

— Эй, рязанский, ты чего не работаешь? — спросил у Алешки усатый дядька Беломор. — Кто не работает, тот получит орден мокрой курицы.

— Не буду я работать, — сказал Алешка. — Чего ж меня никто не сторожит? Я ведь убежать могу.

— Не убежишь! Тебя слово стережет.

— Какое такое слово?

— Ленинское.

— Я Ленину никакого слова не давал.

— Зато Ленин всем нам дал слово, что мы будем счастливые граждане. Разве ты не веришь Ленину? Разве ты не хочешь быть счастливым?

И дядька Беломор рассказал, что в его бригаде 32 парня—32 каналармейца, 32 бывших вора-беспризорника.

Они раньше тоже хотели убежать. А вот теперь они делают самую дружную работу. Они строят самую лучшую плотину. И их все уважают.

— Идем к нам, будешь тридцать третий, — сказал тридцать второй ударник дядьки Беломора, самый коротышка.

— Не пойду, — хотел сказать Алешка. Но парни дядьки Беломора так гордо смотрели на Алешку, что он решил доказать им, какой он, Алешка, работник.

— Ну и что ж, — сказал он, — ну, и пойду. В чем дело?..

А сам подумал:

„Я им только докажу, чтобы они не зазнавались, а потом, все равно, убегу“.

И бригада пошла на плотину. Они пели песню в 33 голоса:

Вот пошли прудить моря
тридцать три богатыря.

Все ребята удалые,
бригадиры молодые.

И ведет их бывший вор —
славный дядька Беломор.

— Сейчас я им докажу, какой я есть работник! — сказал Алешка и вмиг обтесал большое бревно. Но каждый из ударников за это время успел обтесать по три бревна.

— Ах, так, — сказал Алешка, — ладно... — И он обтесал три бревна

Но за это время ударники обтесали по девяти. Алешка старался не отставать от парней дядьки Беломора. На десятый день он перегнал товарищей. И все его хвалили.

— Ай да рязанский! — говорил дядька Беломор.

И плотина быстро росла. Работа была трудная. Труд был сперва тяжел для Алешки. Но это было куда интереснее, чем кисельные плотины и молочные запруды!

4

В лагере жил плохой человек, по прозвищу гражданин Контрик. Он целые дни валялся на койке и храпел на весь лагерь. Контрик грубил воспитателям и дрался с товарищами. Он вечно отказывался от работы. Он был отказчик. Его записали в кавалеры ордена мокрой курицы.

Контрик решил бежать из лагеря. Он стал подговаривать Алешу. Он звал его в теплые края. Но Алеша и слышать об этом не хотел. Тогда Контрик вот что сделал.

У Алешки раз заболела голова. Контрик дал Алеше понюхать сладкий пьяный порошок. Алеша не удержался, понюхал и сделался как пьяный. У него кружилась голова и ослабели ноги.

Ет.

Алеша очень плохо работал в тот день. Он делал не то, что надо. Он грубил дядьке Беломору. Он испортил уголок плотины. Его просили уйти. Он не уходил. Бригада из-за него отстала от других. И Алеше навесили орден мокрой курицы. Когда Алеша очнулся и увидел этот позорный орден, он заплакал от стыда и обиды.

— Ага, — сказал тогда Контрик, — мы теперь с тобой товарищи. Нечего петушиться, кавалер мокрой курицы. Неужели ты и после этого останешься?

И Алеша решил всем назло бежать. Они бежали ночью. А ночь была черная. Ночь была бурная. И ветер гнал волны к неоконченной плотине. Алеша и Контрик тихонько прокрались через лагерь. Алеше захотелось в последний раз взглянуть на свою плотину, такую широкую, такую

высокую, такую красивую. И вдруг он увидел, что волны размыли, что буря расшатала часть насыпи. Вода подымалась. Вода лезла, рыла, точила, долбила. Вода грозила уничтожить плотину.

— Пропружает! Пропружает! — закричал Алеша. — Контрик, я не могу!.. Я побегу нашим сказать. Уходи один, как хочешь.

Он полез в ледяную воду. Он руками, синими руками, нащупал повреждение, вылез и побежал в лагерь, крича:

— Пропружает! Пропружает!

И парни дядьки Беломора вскочили. И сам дядька Беломор, чихнув, проснулся. Он проснулся и сразу надел кепку. В лагере били барабаны. По лагерю гремела тревога. Развернулись знамена. Засияли прожекторы. Ударили оркестры.

Каналармейцы пошли на штурм. Они шли спасать плотину.

Ветер шел навстречу. Дождь летел с ветром. Вода била в берега. Впереди всех шагал дядька Беломор и 33 его богатыря.

Всю ночь и весь день проработали ударники. Всю ночь и весь день не сходил с плотины Алеша. Он простудился в холодной воде и кашлял.

Каналармейцы отогнали воду от плотины. Они заделали дыры, и плотина была спасена.

И вот настал день, когда открылись тяжелые ворота. Вода хлынула с плотин и в озеро с гор потекла по громадной лестнице. Моря соединились. Из Балтийского моря прошел по каналу первый пароход. Он поднялся по водяным ступенькам на гору и спустился к Белому морю. А навстречу ему в Балтийское море проплыла беломорская рыба.

Это был большой праздник для всей Советской страны.

Чекист пригласил художницу поехать от моря до моря на пароходе. Она обещала рисовать канал.

Пароход остановился посреди канала, недалеко от большой плотины. Пассажиры сошли на берег и пошли к плотине. Вдруг к художнице подошел какой-то молодой аккуратный рабочий.

— Здравствуйте, — сказал он смущенно, — это я. Не узнаете? Бывший Алешка-Рязань. Эту плотину я тоже делал... Извините меня... Сколько я вам должен за те краски... которые я у вас тогда... это... взял...

— Ладно, потом сочтемся, — засмеялся чекист-начальник.

— Ну-ка, дядя Беломор, покажи, как твоя плотина работает.

— Есть, товарищ начальник, — отвечал дядька Беломор. — Ну-ка, Алеша, останови реку!

Алеша полез на плотину. Алеша повернул колесо. И река в тот же миг остановилась. Река прекратилась. Стало видно каменное дно.

— А ну, Алеша, отпусти ее совсем.

И Алеша выпустил реку на свободу. Река вырвалась и зарычала. Рухнули громадные водопады, ударили фонтаны, струи, брызги радуги били из-под щитов плотины. Солнце расцвечивало водяную пыль в тысячу красок.

Загудел пароход. Пассажиры заторопились. Алеша подошел к начальнику-чекисту.

— Товарищ начальник, — сказал он, — вот мы прошлый раз товарищу Сталину телеграмму давали, что канал кончен, а вот кое-кому забыли телеграмму послать. Вот я написал. Пошлите, пожалуйста, за границу — шведскому и норвежскому королям.

И Алеша прочитал свою телеграмму.

— „Граждане короли и заведующие странами! Сообщаем вам, что вы теперь живете не на полуострове, а на полном острове.

От бригады Беломора бывший получеловек, а теперь полный человек Алексей-Рязань — строитель плотины № 3, краснознаменец“.

Л. Кассиль

МЫ С ТАМАРОЙ

Целый день трезвонит Таня.
Танин голос — как звонок:
— Мы заведем бинтами,
мы — врачебное звено.

Мы с Тamarой
ходим парой,
санитары
мы с Тamarой.

Если что-нибудь случится,
Приходите к нам лечиться.
Мы умеем класть компресс.
Мы с Тamarой — Красный крест.

Может, сделать вам припарки?
Дать лечебную траву?
Мы с Тamarой — санитарки,
я недаром вас зову!

Санитарам не везет:
есть и марля, есть и иод,
нехватает пустяков —
нет ни ран, ни синяков.

Хоть бы парочку царапин!
Хоть бы палец кто ушиб!
Перестали падать на пол
даже наши малыши.

Наконец нашлась работа
и для Красного креста:
Наконец ушибся кто-то!
Санитары, на места!

Почему у Тани вдруг
на лице такой испуг?
Почему у Тани вдруг
вата валится из рук?

Руки Танины ослабли:
— Ой, у Васи тут порез!
И, увидев крови капли,
разревелся Красный крест.

— Вот, ребята, иод и вата,
вот и марля и бинты...
Только я не виновата,
забинтуй, Тамара, ты...

Целый день трезвонит Таня.
Танин голос — как звонок:
— Мы заведем бинтами,
мы — лечебное звено.

Мы с Тамарой
ходим парой,
санитары
мы с Тамарой.

Может, сделать вам припарки?
Дать целебную траву?
Мы с Тамарой — санитарки;
Тамара лечит — я реву!

А. Барто

РАССКАЗ А. П. ЧЕХОВА

ВАНЬКА

Ванька Жуков, девятилетний мальчик, отданный три месяца тому назад в ученье к сапожнику Аляхину, в ночь под рождество не ложился спать. Дождавшись, когда хозяева и подмастерья ушли к заутрене, он достал из хозяйского шкапа пузырек с чернилами, ручку с заржавленным пером и, разложив перед собой измятый лист бумаги, стал писать. Прежде чем вывести первую букву, он несколько раз пугливо оглянулся на двери и окна, покосился на темный образ, по обе стороны которого тянулись полки с колодками, и прерывисто вздохнул. Бумага лежала на скамье, а сам он стоял перед скамьей на коленях.

„Милый дедушка Константин Макарыч, — писал он. — И пишу тебе письмо. Поздравляю вас с рождеством и желаю тебе всего от господа бога. Нету у меня ни отца, ни маменьки, только ты у меня один остался“.

Ванька перевел глаза на темное окно, в котором мелькало отражение его свечки, и живо вообразил себе своего деда Константина Макарыча, служащего ночным сторожем у господ Живаревых. Это маленький, тощенький, но необыкновенно юркий и подвижной старикашка, лет шестидесяти пяти, с вечно смеющимся лицом и пьяными глазами. Днем он спит в людской кухне или балагурит с кухарками; ночью же, окутанный в просторный

тулуп, ходит вокруг усадьбы и стучит в свою колотушку. За ним, опустив головы, шагают старая Каштанка и кобелек Вьюн, прозванный так за свой черный цвет и тело, длинное, как у ласки. Этот Вьюн необыкновенно почтителен и ласков, одинаково умильно смотрит как на своих, так и на чужих, но кредитом не пользуется. Под его почтительностью и смирением скрывается самое иезуитское ехидство. Никто лучше его не умеет во-время

подкрасться и цапнуть за ногу, забраться в ледник или украсть у мужика курицу. Ему уж не раз отбивали задние ноги, раза два его вешали, каждую неделю пороли до полусмерти, но он всегда оживал.

Теперь, наверно, дед стоит у ворот, щурит глаза на ярко-красные окна деревенской церкви и, притопывая валенками, балагурит с дворней.

Ванька вздохнул, умокнул перо и продолжал писать:

„А вчерась мне была выволочка. Хозяин выволок меня за волосья на двор и отчесал шпандырем за то, что я качал ихнего ребятенка в люльке и по нечаянности заснул. А на неделе хозяйка велела мне почистить селедку, а я начал с хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала меня в харю тыкать. Подмастерья надо мной насмеваются, посылают в кабак за водкой и велют красть у хозяев огурцы, а хозяин бьет чем попадя. А еды нету никакой. Утром дают хлеба, в обед каши и к вечеру тоже хлеба, а чтоб чаю или щей, то хозяева сами трескают. А спать мне велют в сенях, а когда ребяенок ихний плачет, я вовсе не сплю, а качаю люльку. Милый дедушка, сделай божецкую милость, возьми меня отсюда домой, на деревню, нету никакой моей возможности... Кланяюсь тебе в ножки и буду вечно бога молить, увези меня отсюда, а то помру...“

Ванька покривил рот, потер своим черным кулаком глаза и всхлипнул.

„Я буду тебе табак тереть, — продолжал он, — богу молиться, а если что, то секи меня, как сидорову козу. А ежели думаешь, должности мне нету, то я Христа-ради попрошусь к приказчику сапоги чистить али заместо Федьки в подпаски пойду. Дедушка милый, нету никакой возможности, просто смерть одна. Хотел было пешком на деревню бежать, да сапогов нету, морозу боюсь. А когда вырасту большой, то за это самое буду тебя кормить и в обиду никому не дам, а помрешь — стану за упокой души молить, все равно как за мамку Пелагею.

А Москва — город большой. Дома все господские, и лошадей много, а овец нету, и собаки не злые. Со звездой тут ребята не ходят и на клирос петь никого не пускают, а раз я видал в одной лавке, на окне, крючки продаются прямо с леской и на всякую рыбу, очень стоящие, даже такой есть один крючок, что пудового сома удержит. И видал которые лавки, где ружья всякие на манер бариновых, так что, небось, рублей сто каждое... А в мясных лавках и тетерева, и рябцы, и зайцы, а в котором месте их стреляют, про то сидельцы не сказывают.

Милый дедушка, а когда у господ будет елка с гостинцами, возьми мне золоченый орех и в зеленый сундучок спрячь. Попроси у барышни Ольги Игнатьевны, скажи—для Ваньки”.

Ванька судорожно вздохнул и опять уставился на окно. Он вспомнил, что за елкой для господ всегда ходил в лес дед и брал с собою внука. Веселое было время. И дед крякал, и мороз крякал, а глядя на них, и Ванька крякал. Бывало, прежде чем вырубить елку, дед выкуривает трубку, долго нюхает табак, посмеи-

ваются над оз-бшим Ванюшкой... Молодые елки, окутанные инеем, стоят неподвижно и ждут, которой из них помирать... Откуда ни возмись, по сугробам летит стрелой заяц... Дед не может, чтоб не крикнуть:

— Держи, держи... держи! Ах, куцый дьявол!

Срубленную елку дед тащил в господский дом, а там принимались убирать ее... Больше всех хлопотала барышня Ольга Игнатьевна, любимица Ваньки. Когда еще была жива Ванькина мать Пелагея и служила у господ в горничных, Ольга Игнатьевна кормила Ваньку леденцами и от нечего делать выучила его читать, писать, считать до ста и даже танцевать кадрили. Когда же Пелагея умерла, сиротку Ваньку спровадили в людскую кухню, к деду, а из кухни — в Москву, к сапожнику Аляхину...

„Приезжай, милый дедушка, — продолжал Ванька, — христом богом тебя молю, возьми меня отседа. Пожалей ты меня, сироту несчастную, а то меня все колотят, и кушать страсть хочется, а скука такая, что и сказать нельзя, все плачу. А наемдни хозяин колодкой по голове ударил, так что упал и насилу очухался. Пропащая моя жизнь, хуже собаки всякой... А еще кланяюсь Алене, кривому Егорке и кучеру, а гармонию мою никому не отдавай. Остаюсь твой внук Иван Жуков. Милый дедушка, приезжай“.

Ванька свернул вчетверо исписанный лист и вложил его в конверт, купленный накануне за копейку. Подумав немного, он умокнул перо и написал адрес:

„На деревню дедушке“.

Потом почесался, подумал и прибавил: „Константину Макарычу“ - Довольный тем, что ему не помешали писать, он надел шапку и, не набрасывая на себя шубейки, прямо в рубахе выбежал на улицу...

Сидельцы из мясной лавки, которых он расспрашивал накануне, сказали ему, что письма опускаются в почтовые ящики, а из ящиков развозятся по всей земле на почтовых тройках с пьяными ямщиками и звонкими колокольцами. Ванька добежал до первого почтового ящика и сунул драгоценное письмо в щель...

Убаюканный сладкими надеждами, он час спустя крепко спал... Ему снилась печка. На печи сидит дед, свесив босые ноги, и читает письмо кухаркам... Около печи ходит Вьюн и вертит хвостом...

Майский жук, расправив крылья,
весело гудит.
Он отстал от эскадрильи,
вниз летит — гляди!..

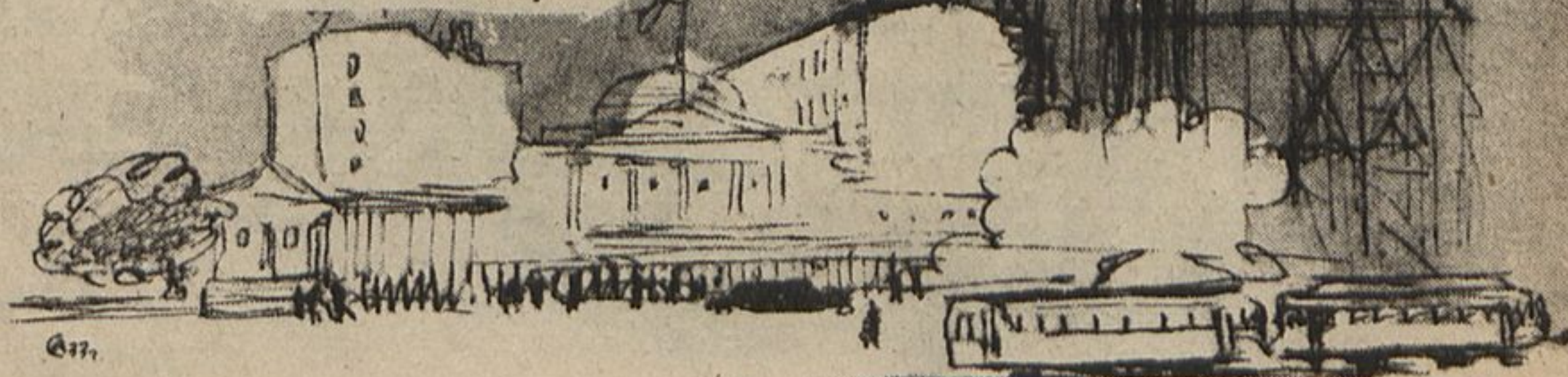
Сел большой пятимоторный.
Разве это жук?
Я залез туда проворно
и в окошко гляжу.
Полетели. Выше, выше...
Я уже привык.
Вижу домик с красной крышей:
подосиновик.

Ну, ни капельки не страшно!
Где поселок наш?
Это Сухарева башня
или карандаш?

Эта синяя тесемка
ведь Москва-река?
А в деревне видит Семка
на небе жука.

Семка, это не жук!
это я сижу!....

З. Александрова

Ст.

ПРО КОЛХОЗНЫЙ УРОЖАИ

1. ФЛАЖОК ПОБЕДЫ

Три трактора шли по ячменному полю в колхозе имени Карла Маркса. У каждого в прицепе катились три жатки. Каждая жатка скашивает 10 гектаров в день.

Впереди всех шел трактор № 31 с трактористом Гришей Морозом. Маленький ветер нес над машиной красный почетный флажок. Но Федя Юрченко задумал отбить у Мороза переходной флажок.

Было раннее утро. Была последняя звезда на небе. И вдруг все увидели:

По ячменному полю идет трактор № 33. На руле сидит Федя Юрченко. У трактора в прицепе катятся три жатки и еще одна.

Тогда не стерпели остальные трактористы. Прошло утро, и к полудню стало видно:

По ячменному полю идут три трактора. У каждого в прицепе катятся четыре жатки. Каждая жатка скашивает 10 гектаров в день. К вечеру Федя Юрченко, победитель, получил флажок.

Скосили ячмень. Перешли на пшеницу. Ночи были лунные. Хлеб был сухой. Колхозники говорили: „Самая уборочная погода“. И для того, чтобы не осыпалось зерно, работали всю лунную ночь напролет. Спать было некогда.

В это время Гриша Мороз надумал: отобрать у Юрченко почетный флажок. Про Мороза говорили в колхозе: „Он знает трактор до печенок“.

Было раннее утро. Было розовое небо. Ударники шли с ночной работы к завтраку и вдруг увидели:

По пшеничному полю идет трактор № 31. У трактора в прицепе катятся пять жаток. Гриша Мороз, победитель, ведет осторожно трактор.

Флажок победы опять перешел к Морозу.

2. „КУЛАЦКИЙ ПАРИКМАХЕР“

В одном северокавказском колхозе пионер Миша Забудкин обходил дозором пшеничное поле. На рукаве у него была красная повязка с надписью: „Охрана урожая“.

Объездчики были далеко.

Пионер шел осторожно. Он внимательно смотрел по сторонам: не пробирается ли вор к снопам, не крадется ли где-нибудь „кулацкий парикмахер“, не стрижет ли колосья в поле, для того чтобы их украсть.

Но все было спокойно.

Вдали был слышен припев: „Нас побить, побить хотели...“ Это школьники шли с песней позади ксенок и подбирали вручную оставшиеся колосья.

Вдруг Миша Забудкин увидел: человек с мешком идет к пшенице и озирается.

Миша Забудкин бросился к человеку и закричал:

— Стой! Откуда идешь? — и взялся за мешок.

Но человек ничего не ответил и вдруг сразмаху ударил. Миша Забудкин упал. Человек шагнул дальше. Но Миша Забудкин поднялся и снова ухватился за мешок, потому что в мешке были настриженные колосья.

Тогда вор ударил еще раз и сбил его с ног. Но Миша Забудкин опять поднялся. По глазам текла кровь, голова была в пыли. Он закричал:

— На помощь!

Вор испугался и побежал. Но Миша Забудкин бежал за ним и кричал.

Тогда вор бросил мешок и скрылся.

Так сделался пионер Миша Забудкин героем охраны колхозного урожая.

3. СОБСТВЕННАЯ ХАТА

В украинском селе Кислянке кончили косить и свезли хлеб на ток молотить. Тогда колхозный сторож Илья Манченко взошел на каланчу: сторожить молотилки и хлеб на току.

Была ночь. Шел сильный дождь. Ветер. Гром. Гроза.

Илья Манченко смотрел в темноту и в бурю: не крадется ли вор к колхозному хлебу, не притаился ли кулак, не пробрался ли вредитель, не слышен ли шорох, не ломают ли молотилку...

И вдруг он увидел: круглая молния пролетела над селом и упала в его хату. Хата загорелась.

В селе спали.

Илья Манченко забил в колотушку тревогу.

Но ветер выл и свистел. Колотушку не слышали. Хата горела. Крыша провалилась. Илье Манченко нельзя было уйти с каланчи.

Хата горела. Стены рухнули. Но Илья Манченко не бросил колхозное добро — урожай на току и дорогие молотилки.

Наконец примчался молодой колхозник Приходько.

Илья Манченко закричал с каланчи:

— Приходько, скорей зови мне смену! Моя хата горит.

Прибежал председатель, привел смену.

Но когда Илья добрался до своей хаты, ее уже не было: она сгорела.

Возле пожарища стояла младшая дочь, пионерка.

Тогда Илья Манченко заплакал.

В скором времени пришла из Харькова в Кислянку телеграмма-молния от членов правительства: почетное приглашение герою-колхознику Илье Григорьевичу Манченко на сессию ВУЦИК.

А колхозники постановили: строить Илье Манченко новую хату.

4. ЗАЖИТОЧНЫЕ

В одесском колхозе „Спартак“ окончили уборку урожая и хлебосдачу. Стали делить доходы.

Один ударник собрался идти в правление получать хлеб за свои трудодни.

Жена подала ему чистую рубашку.

Он оделся. Потом вдруг засмеялся и спросил жену:

— Куда хлеб девать будем?

Потому что вся семья работала по-ударному и должна была получить за свои трудодни целый вагон хлеба — 16 тысяч килограммов и 2 тысячи килограммов винограда.

Жена бросилась стирать пыль с лавок и протирать окна в избе, чтобы стало светлей.

Хлеб подвезли к избе с почетом, на подводах. Целый обоз встал на улице. Ребятишки сбежались смотреть. Соседи вышли на крыльцо.

В это время на слете колхозников встретились два ударника — Калинин Михаил Харитонович с Северного Кавказа и Казюра Савелий Власьевич с Украины.

Сели поговорить.

Калинин рассказал Казюре про свою жизнь:

Сам — бригадир, два сына — трактористы, дочь — кухарит в бригаде, остальные работают в поле. Все вместе выработали 1000 трудодней, на каждый трудодень приходится по 12 килограммов хлеба.

Калинин посмотрел на Казюру и вдруг пробормотал:

— Не верится, сколько хлеба буду иметь!

Тогда Казюра снял шапку и сказал:

— Вот она, в руках у нас, зажиточная жизнь!

5. ПШЕНИЧНЫЕ БЛИНЫ

Из колхозов писали в Москву т. СТАЛИНУ:

„Урожай у нас знатный“.

„Трудодень у нас богатый“.

„Ячменя нынче уродилось видимо-невидимо“.

„Хлеб густой, колос толстый, зерно крупное“.

А на Днепропетровщине, в колхозе „Восход“, сделали к концу письма веселую приписку: „Теперь, т. СТАЛИН, у нас есть к тебе колхозная просьба: урви пару-другую деньков и приезжай к нам на пшеничные блины“.

Анна Гринберг

ЯГОДНАЯ ОСЕНЬ

Ягодой унизаны
кочки светлых просек,
пахнет мхами сизыми
ягодная осень.

Дай-ка познакомимся,
пень ты наш — березка!
От тебя оскомина
на руках, береста!

Мы бересту режем,
вырезаем клином.
— Эй, ребята, где же вы?
Вы бы помогли нам!

Мы на нитку длинную
нижем цепь рябинную,
наливные бусины,
горькие, а вкусные.

А брусника дробная
вся в лукошко собрана
из коры березовой
желтовато-розовой.

Мы придем с подарками:
с голубикой бархатной,
с новыми кошелками
из бересты шелковой...

М. Ивсен

ВСТРЕЧА

Четвертого августа в Москве было хмурое небо, толпились облака над Сокольниками, и через каждый час, как по рецепту сердитого доктора, шел крупный холодный дождь.

И все-таки со всех концов Москвы — в трамваях, в автобусах и просто пешком — со знаменами, с барабаном, с звонкой трубой собирались московские пионеры и школьники в Сокольнический парк культуры и отдыха — в пионерский городок. Две тысячи ребят с летних площадок собрались в парке в этот день.

Что же там было? А вот посмотрите.

По главной дорожке — прямо к читальне — выстроились плакаты — книжные обложки, а в читальне была выставка книг. На выставке были детские книги и люди, которые их написали, — детские писатели.

Писатели ходили по парку и разговаривали с ребятами. А художники, которые рисовали картинки для детских книг, сидели на скамейках с альбомами и карандашами зарисовывали ребят. А у специального стола редакторы (это люди, которые работают в издательствах, там, где делают книги) объясняли ребятам, как печатается книга.

В двенадцать часов заиграла музыка, пошел сильный дождь, и все ребята пошли в летний деревянный театр. Там они сидели

На длинных скамейках, пели „Заводы, вставайте...“ Перед ними проходили писатели и художники, и ребята кричали и хлопали в ладоши.

На сцену вышел Венгров — тот, кто написал для ребят простые и веселые песенки: про Енку-козу, про Чирики-пузырики и много других.

Он сказал так:

— Вы знаете, для чего мы все пришли сегодня сюда? Мы, писатели, хотим поближе познакомиться с нашими читателями—с вами. Нам надо обязательно поговорить с вами, чтоб написать такие книжки, какие вам понравятся.

Он показал всех писателей, которые пришли к ребятам.

А потом Бауманский театр рабочих ребят показал спектакль „Пакет“ — о гражданской войне, о смелом буденновце Трофимове, который вез к Буденному секретный пакет. Хотите узнать, о чем был спектакль? Возьмите в библиотеке книгу писателя Пантелеева „Пакет“ и прочтите. Очень интересная книга. И спектакль был тоже замечательный.

А когда спектакль окончился, выглянуло солнце, и ребята разбежались группами по всему парку — в читальню, в палатки пионерлагеря, в беседки для оркестра—и просто расселись на скамейках, как птицы на жердочках, и слушали писателей.

Писатели читали ребятам стихи и новые книжки и рассказывали о своих путешествиях, а ребята говорили, какие книжки они любят и о чем им хочется прочесть в книгах.

Рудерман рассказывал о горной стране Памире, Барто читала смешные стихи про вруна, писатель-летчик Бобров рассказал про полеты... Инженер Абрамов был очень доволен, когда ребята сделали ему тут же из бумаги мяч так, как он учил в своей книжке. Читали свои книжки еще писатели Саконская, Шатилов, Ивенсен.

Я рассказала ребятам 20-й школы сказку про октябрьских мальчиков. Они слушали внимательно. Только две девочки обиделись и сказали:

— Почему сказка называется „Октябрьские мальчики“? Лучше было бы назвать „Октябрьские дети“. Жаль, что сказка уже напечатана.

А Венгров прочел ребятам целый номер журнала „Мурзилка“.

А знаете вы, о чем просили ребята печатать в „Мурзилке“? Они говорили: „Такие, как „Ку-ку“, „Как жили бедняки при царе“, „Как ребята в других странах живут“, „Как живут за границей“, „О севере“, „Про жаркие страны“, „Про диких зверей“, „Как живут народы при советской власти“, „Как воевали в 1905 г.“.

А теперь вы, ребята, напишите нам, про что вы хотите читать в „Мурзилке“.

А. Смирнова

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ?

1. МОЖНО ЛИ СВАРИТЬ ВКРУТУЮ ЯЙЦО ГОЛУБЯ ИЛИ ВОРОБЬЯ?

Нет, не сварить. Вкрутую варятся яйца далеко не всех птиц. У курицы, гуся, утки, тетерева, рябчика птенцы с первого же дня стоят на ногах. За матерью бегают, сами клюют, пушком покрыты. Это выводковые птицы. У большинства же птиц из яйца

вылупляется голый птенец. Он совсем беспомощный, сидит в гнезде и только рот раскрывает — есть просит. Ходить он начнет только тогда, когда перьями покроется, и заходит и залетает сразу. Это птенцовые птицы. У таких птиц белок в яйце особого состава. Сколько его ни вари, все он жидкий и прозрачный.

2. ЗАЧЕМ ЯЩЕРИЦА ТО И ДЕЛО ВЫСОВЫВАЕТ ЯЗЫК?

Видал язык ящерицы? Он — длинный, тонкий, на конце раздвоен. Лизать таким языком не очень удобно. Да и не для того его высовывает ящерица. Мы щупаем пальцами. У ящерицы кожа покрыта чешуйками. Прощупать что-нибудь через грубые чешуйки нельзя. Ящерица щупает языком.

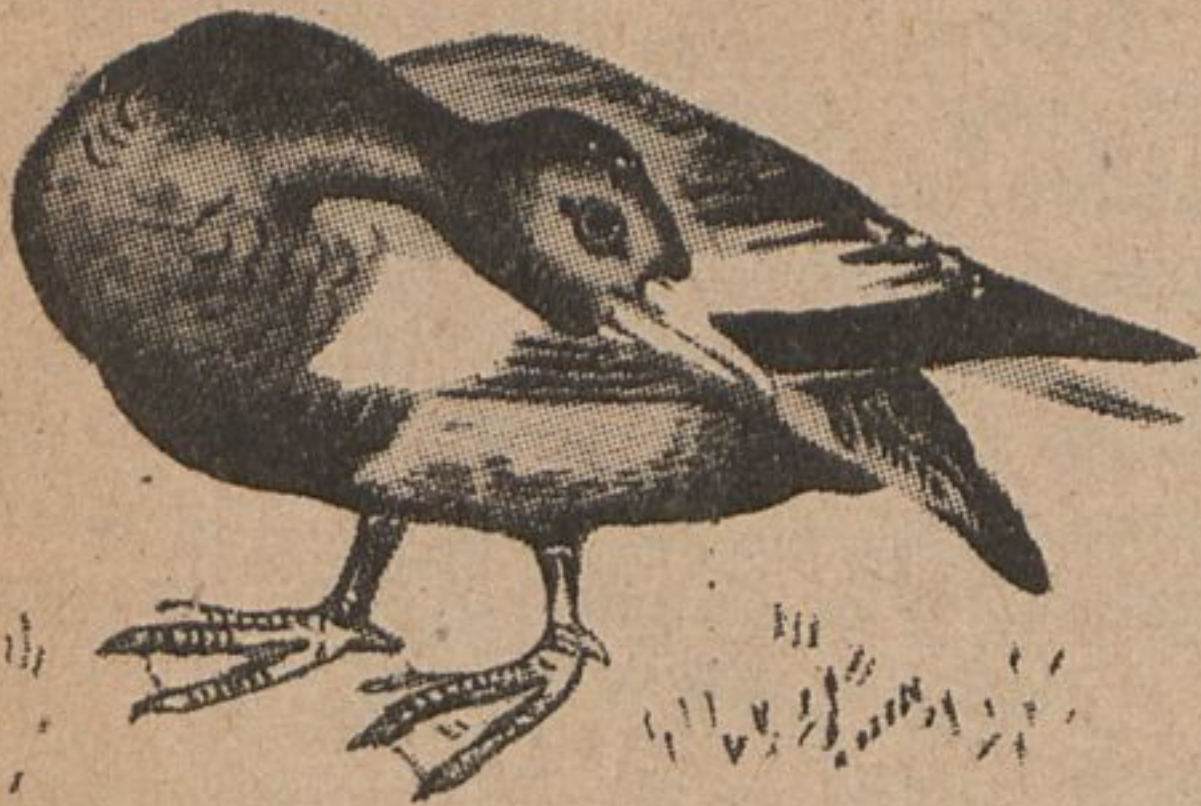

3. ЧЕМ ЖУЖЖИТ МУХА?

Крыльями? Нет. Если муху зажать в кулаке, то махать крыльями она не сможет. А жужжать и тогда будет. Рассмотрим муху. У нее только два крыла. А у пчелы, бабочки, стрекозы — четыре. Нижняя (задняя) пара крыльев у мухи превратилась в жужжальца. Они похожи на булабочки. При их помощи муха во время полета поддерживает равновесие, не валится на сторону. Жужжальца дрожат. Во время полета

они-то и издают тот или иной звук. У мухи они жужжат, у комара (здесь они тоненькие) пищат.

4. ПОЧЕМУ УТКА ВЫХОДИТ ИЗ ВОДЫ СУХОЙ?

У основания птичьего хвоста находится особая железка. Она выделяет жирное вещество. Проводя клювом по этой железке, утка смазывает клюв жиром. А потом утка жирным клювом перебирает перья. Жир смазывает перья. Сильно смазанное жиром перо не намокает в воде. Плавать, нырять утка. Казалось бы — насквозь промокнуть должна. А выйдет на берег, встряхнется — совсем сухая, словно и в воде не была. Скатила вода с намазанных жиром перьев утки. У курицы этого жира мало, перья смазаны чуть-чуть. Попадет курица в воду — так намокнет, что и умей она летать — не полетела бы. С мокрыми перьями не полетишь.

5. ЗАЧЕМ МЫ МИГАЕМ?

Попробуй не помигаешь подольше. Глаз слезиться начнет, потом

больно будет, а потом — никак не утерпишь — мигнешь. Глаз у нас влажный, а смачивают его слезы. Выделяются слезы только в одном месте глаза. Мигая, мы размазываем веками слезу по всему глазу. Перестал мигать — глаз начинает подсыхать, становится больно смотреть. Мигнул — размазал слезу по глазу — опять смотреть можно.

6. ПОЧЕМУ СПЯЩАЯ ПТИЦА НЕ ПАДАЕТ С ВЕТКИ?

Согни ногу живой или мертвой курицы в колене. Пальцы тотчас же сами собой скрючатся. Мускулы и сухожилия на ноге птицы расположены так, что стоит только ноге согнуться в колене или пятке, как пальцы тоже сгибаются. Когда птица спит на ветке, ее ноги согнуты. Значит, и пальцы скрючены, крепко схватывают ветку. Разогнуты пальцы только тогда, когда птица выпрямится. Для этого ей нужно проснуться. А тогда-то (наяву) птица с ветки уже не свалится.

Н. Плавильщиков

Музыка к этой песенке написана **Юдифью Рожавской**. Ей 10 лет.

Она — пионерка, ударница учебы, школы № 45, в г. Киеве. Она учится играть на фортепиано с 7 лет в I-й школе детского музыкального воспитания.

За ряд песен, переложенных на музыку, премирована радиожурналом „Малыш“.

Песня о красном флажке

Текст Э. Эмден

муз. Ю. Рожавской

Я свой флажок до не - ба, дет выше по - ды - му ста - ким флажком по -

бе - да в войне, в огне, в ды - му! Я свой флажок до мо - ря, - нет

дальше протя ну. Я бу - ду с ним в до зо - ре стеречь свою стра -

ну, я свой флажок за - ки - - ну за го - ры и мо - ря и

там его подни - мет та кой как наш от ряд. Я свой флажок на

пле - чи на - де - ну, как ружье нам у - ли - цы навстре - чу нас

целый город ждет и флага ми нам ма - шет нав - стре - чу каж - дый

дом. Давай ве - се - лым ма - ршем по го - ро ду пройдем.

ЛЕСНЫЕ ИГРУШКИ

Ребята, взгляните на снимки (на обороте). Там есть и птицы, и медведь; одна птичка даже летит.

Как вы думаете, трудно их сделать? Вовсе нет. Эти игрушки сами выросли в лесу. Нужно только уметь их найти. Это корни и веточки деревьев.

Вот гусь. Отпилен кусок корня от вывороченной бурей елки, один конец так и оставлен, а на другом слегка вырезан клюв, и сделано это простым перочинным ножиком.

Стремительно летящая птичка была раньше можжевельной веточкой. Кроме носика у ней еще вырезаны на крыльях и хвосте перышки.

И остальные игрушки: медвежонок, птичка на веточке, человечек и утка — все они выросли в лесу.

Пойдите в лес с маленьким топориком и пилкой-ножовкой. Ищите игрушки там, где очищают площадь от пней и кустарников. Такие места называются корчевками. Там вы много найдете разных сучьев и корней самой затейливой формы. Присмотритесь повнимательней, и вы увидите в них разных птичек и зверушек. Над корешками и веточками не надо много мудрить. Только отпилить, обрубить лишние веточки и очистить от коры. А дома можно сделать ножиком носик, лапку, нацарапать глазок. Вот и готова лесная игрушка.

Показанные на этих снимках игрушки нашел и обработал мальчик Федя, а его научил этому дедушка.

Л. Алпатов

РЕБЯТА!

Мы получили много писем с предложениями изменить название нашего журнала.

Кому из вас название „Мурзилка“ не нравится и как бы вы хотели назвать журнал, напишите нам. Обсудим вместе и, может быть, назовем его по-новому.

РЕДАКЦИЯ

Редколлегия: Асеев Н., Барто А., Маршак С., Смирнова В., Степанова А., Шифрин Н.

Ответств. редактор Н. Венгров.

Оформление Веретенников В.

Москва. МГ № 4160. Сдача оригиналов 20/IX. Подп. и печ. 25/X. 2 печ. листа. Колич. ан. 68.640. Статформат Б—7×190

Уполном. Главлита № Б—33829. 2-я тип. изд-ва ЦК ВКП (б) „Правда“. Москва, Суцев. вал, 49. Зак. 1502. Тир. 150.000

87336

Цена 40 коп.

Гос. Центр. Кн. Палата
Управляет Изд. вкратчно
Времен дефектного

